

Юрий Аврех

Аврех Юрий Леонидович родился в 1977 г. в Уфе. По специальности – переводчик-референт. Работает преподавателем английского языка в музыкальном училище. Публиковался в журналах «Урал», «Уральская новь», «День и ночь», «Литературный Иерусалим», «Пражский Парнас» и др. Автор книг стихов «Деятнадцать стихотворений» (издательство Уральского университета, Екатеринбург, 2002, тираж 200); «Эстетика сна» (издательство Уральского государственного университета, Екатеринбург, 2004, тираж 200); «Дорогой четырех стихий» (издательство «Старт», Москва, 2007, тираж 300); «Там, где сходятся все времена» (издательство «Старт», Москва, 2009, тираж 200). Участник АСУП-2. Живет в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов Ю.А.

Традиции, направления, течения: реализм, модернизм, символизм, акмеизм, постакмеизм, тихая лирика.

Основные имена влияния, переклички: Е. Баратынский, Н. Некрасов, А. Блок, Г. Иванов, В. Ходасевич, Б. Рыжий, А. Кушнер, Ю. Казарин.

Основные формальные приемы, используемые автором: философская моноинтенция, медитативность, авторефлексия, аллюзии, реминисценции, музыкальность, элегизм, параллелизм внешнего и внутреннего миров.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: поэт и поэзия, религия, мистицизм, смерть, небо, ангелы, любовь, ночь, одиночество, неприютность, зима, холод, снег и дождь, покаяние, урбанистические мотивы, просветленная печаль и метафизическая тоска по несбыточному.

Творческая стратегия: автомифологизация, лирическая исповедальность как попытка обрести спасение в слове, поэзия как альтернатива тотальной энтропии.

Коэффициент присутствия: 0,31

АВТОБИОГРАФИЯ

День четверга посвящен Юпитеру. Родился я в ночь четверга. С восходящим знаком Стрельца в сидерическом (звездном) зодиаке, управляемом Юпитером, но из-за близости Юпитера к Солнцу, скрывающему планету Юпитер в своих лучах, родился я несколько болезненным ребенком.

Однако же романтичным и целеустремленным. На правой руке, на указательном пальце я ношу перстень с желтым сапфиром – драгоценным камнем Юпитера, а на левой не ношу ничего. И знаю о том, что сухие невыплаканные слезы, невидимые для этого мира, видимы для другого.

По отцовской и по материнской линии я последний в древнем роду фамилии Аврех. Рода, ведущего свое начало – страшно подумать – с библейских времен.

Аврех. Что за странное слово такое? Что за фамилия такая странная и непонятная? А непонятной для меня она являлась до тех пор, пока я не начал исследовать ее значение. С библейских времен Аврех – это восклицание, которым сопровождали египтяне Иосифа, сына праотца Иакова и Рахили, которого фараон провез перед народом в своей колеснице в знак высочайшего благорасположения. По некоторым источникам слово означает «мудрец» и имеет арамейское происхождение, а по некоторым – египетское. С тех древних времен появилась эта фамилия. И еще так называют и по сей день людей, изучающих Священное Писание и посвятивших себя духовному служению, и, возможно, отчасти по этому значению фамилии я воспринимал и воспринимаю по сей день поэзию как одну из форм духовного постижения. Молитвы и служения. Так, стоя у могильной плиты великого святого и мистика рабби Лева в городе Праге, шепотом произнося слова молитвы, я и не думал, что молитва позже превратится в стихотворение:

У плиты рабби Лева лежат монетки и подношения.
Восемнадцатого апреля происходит свершенье:
Молитвы, идущей от сердца, и рядом со мной Марина.
Она становится на колени в стороне от Карлова Тына.
Двое в молитве – я и она перед Святым,
его женой и Всевышним.
Молитвы сходятся здесь и перед Миром Высшим...

Молитва становится стихотворением, а стихотворение – молитвой.

А Марина...

Женщина, которая со мною уже пять лет, и стихотворение, в котором присутствует она, говорит о ней лучше, чем я смог бы сказать о ней в любой прозе. Та, которая на сказанные мною однажды

Марина Соболева

слова о необходимости мира в душе, ответила мне: «Мира мало без тебя. Я пришла в этот мир для того, чтобы быть с тобой...»

...В домашней библиотеке было очень много книг. И каждый месяц мама покупала новые. Брала в библиотеке. Читала... Первое мое знакомство с профессиональными, настоящими поэтами состоялось в 1999 году. Летом того года я познакомилась с поэтом Марком Луцким. Он был первым поэтом, которому я отдала для прочтения свои стихотворения. Произошло это событие у него дома на улице Чайковского города Екатеринбурга. Был август, когда Солнце вошло в созвездие Льва, проявляя себя в полную силу. Был солнечный жаркий яркий день. Внимательно прочитав написанные от руки стихи (ни печатной машинки, ни тем более компьютера в те времена у меня не было), Марк Луцкий душевно и «по-отечески» похвалил несколько моих ранних стихотворений. А осенью того же года я встретился с поэтом Борисом Рыжим в редакции журнала «Урал». Благоклонное отношение к тем ранним моим стихотворениям этих поэтов имело для меня колоссальное значение. В журнале «Урал» в 2000 году благодаря Борису Рыжему состоялась моя первая поэтическая публикация – одного стихотворения.

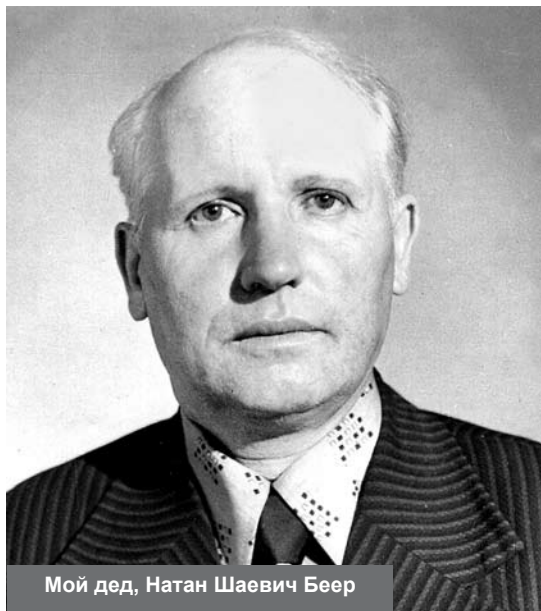
А в 2002 году была издана моя первая книга «Девятнадцать стихотворений» в издательстве Уральского университета с предисловием поэта Юрия Казарина, с которым я познакомилась после двухтысячного года. То есть гораздо позже моего знакомства с Марком Луцким и Борисом Рыжим. Выхода этой книги в свет я ждал почти два года. Её тираж, 200 экземпляров, прямо из типографии Уральского университета был унесен в руках до-

мой мною и приятелем моим Димой. Состоялось это событие 30 апреля 2002 года. Факт поэтической биографии. Знакомая моей мамы, женщина по имени Ася Захаровна, ученица известной в девяностые годы двадцатого века Джуны Давиташвили, предсказала мне, что я буду поэтом, еще в те времена, когда и стихов, написанных мною, не было. Нелинейно во временном порядке событий пишется текст, но так, возможно, даже и интересней. Оценка и понимание произошедших событий тоже происходит нелинейно. К факту моей поэтической биографии я мог бы отнести и мою жизнь еще до знакомства с уральской поэтической школой и вообще со школой поэтической.

Я хочу сказать о моей жизни в Иерусалиме, в южной части великого города. В районе с названием Рамат-Рахель. Холм Рахели. Жизнь подростка-эмигранта, не расстающегося с книгой Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Одинокого подростка, читающего московские и иерусалимские главы романа в самом Иерусалиме. Приехавшего из России в страну совершенно другой культуры. Подросток, вкусивший хлеба эмигранта в 13 лет. Практически никаких особенно ярких событий во внешней моей жизни тогда, только внутренняя, напряженная жизнь. Прогулки с моим дедом по Иерусалиму. Девушки с темным цветом кожи в цветных майках и коротких шортах, приехавшие с самых дальних стран юга. Пальмы и оливы. Иерусалим. Небо без берегов. Плывущие облака и сухие, злые, невыплаканные слезы. Чтение книг и настроенное наблюдение

Моя мать, Беер Анна

Мой дед, Натан Шаевич Беер

за окружающим миром. Ни друзей, ни желания учиться там, и при этом непреодолимая сила желания вернуться в Россию. А потом, после Иерусалима, – Екатеринбург.

В Екатеринбурге у меня появляются мои первые друзья. Первым появляется поэт Андрей Торопов. Мы познакомились с ним в 1999 году. В разное время появляются мои друзья: проницательный астролог Станислав Тарновский, замечательный композитор Антон Ермаков, удивительный человек Александр Аскольдович Филимонов, ныне живущий в городе Санкт-Петербурге со своей семьей – супругой Татьяной и тремя дочерьми: Марией, Нонной и Ириной. Мои друзья, разные люди, которых я очень люблю, и даже если некоторых из них в этом тексте я не упоминаю, они все равно знают, как сильно я их люблю... Весной 1999 года я получаю диплом об окончании негосударственного учебного заведения по специальности «переводчик с английского». Позже – преподавательская деятельность, сначала в лицее, а потом в музыкальном училище. Преподавание английского языка. Но это уже проза. А поэзия... Стихи сходятся друг с другом, радуясь встрече. Но странная вещь. Недавно, просматривая свои рукописи, обнаружил, что о Екатеринбурге у меня совсем мало стихотворений. Возможно потому, что мне о нем говорить и молчать легче в прозе, чем в стихах. Есть города, связь с которыми я чувствую очень сильно. Иерусалим. Верхний Назарет (Нацерет-Илит). Прага. Петербург. И пятый город – Екатеринбург. Екатеринбург, славный поэтами и заводами славный, а кем больше – трудно сказать.

Поэт, на каком бы языке он ни говорил, когда он говорит стихами, то обращается сразу к трем

временам: к прошлому, настоящему и будущему. Когда говорят поэты, они создают мосты во времени, состоящие из созвучий и слов, но имеющие плотность такой силы, что желающий пройти по ним – пройдет в восхищении, наблюдая невиданные прежде земли и те земли, которые видел раньше, так, будто не видел их никогда.

Апрель 2012 года. После драматических событий я уезжаю (на время) на святые земли. Я еду в Вифлеем. Бейт Лехем. Дом хлеба. Место рождения царя Давида. Место рождения Иешуа. Церковь Рождества и звезды Вифлеема. Базилика Рождества, заложенная императрицей Еленой во время её паломничества в середине 330-х годов, согласно Евсевию Кесарийскому. Еще утро, а в церкви уже огромное скопление народа. Солнце восходит над восточной частью Иерусалима. Когда я выхожу, у меня начинается сильная головная боль. Торговцы сувенирами обступают наивных туристов, предлагая им свой товар. Я покидаю Вифлеем и в тот же день еду на Елеонскую (Масленичную) гору Иерусалима.

И снова вспоминается Булгаков. На календаре 3 мая 2012 года...

И вновь возвращение. Лето. Екатеринбург. Я прохожу по одной из улиц мегаполиса. Мегалополиса. От греческого *meegas* – большой и *polis* – город. В античной Греции – название гипотетического великого «города идей». А сейчас – урбанизованная территория с высокой плотностью населения. Где-то вдалеке звучит музыка, и мне на ум приходят такие слова: распосиди хаоса пытаются выдать себя за музыку и тем самым выдают себя. Белый шум и черный шум говорят «нет». Поэзии нет. Ее нет. Ничего нет. Есть ни-что. Случайность, состоящая из набора бессмыслиц, из боли и пошлости. И шум пошлости и брани пытается затмить собой все окружающее, но поэзия звучит. Дирижер обратился к оркестру, и снова играет оркестр. И скрипач в оркестре и вне его, один, отдельно взятый, создает музыку. А мой 89-летний дед Натан, воспитавший меня вместо отца, родившийся в Польше в городе Тарнобжег, на берегу реки Вислы, и прошедший колоссальный путь через Польшу, потом Россию, живший на Урале, теперь поднимается вверх по ступеням Верхнего Назарета, опираясь на стариковскую палку, словно на посох. Исполненный величия, подобно ветхозаветным пророкам, смотрит он на восходящее солнце над древним городом и вспоминает обо мне в молитве своего сердца.